

ЗДЕСЬ
ТОЖЕ
МЕЧТАЮТ
♡

ИЗ ШКОЛЬНОГО ТУАЛЕТА – *в кровать* МИЛЛИАРДЕРА

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

**Из школьного туалета –
в кровать миллиардера**

«Автор»

2026

Кирова М.

Из школьного туалета – в кровать миллиардера / М. Кирова —
«Автор», 2026

****«Швабра! Бомжиха! Ты никто!»**** – это я слышала каждый день. Но однажды одноклассники заманили меня в школьный туалет, заставили пережить страшное унижение и выложили видео в интернет. А парень, которого я любила два года, даже не попытался меня защитить. Я думала, моя жизнь закончена. Но потом открыла глаза на шёлковых простынях. В роскошном пентхаусе. В постели наследника миллиардного состояния!

****Альберт Князев.**** Красивый, богатый, недостижимый. Мужчина, который вытащил меня из ледяной реки, когда от меня отвернулся весь мир. Он может купить всё. Но сможет ли вернуть мне веру в себя? Ведь мой позор уже разлетелся по интернету, школьная королева готовит новую расправу, а я даже не представляю, почему миллиардеру не всё равно, что станет с нищей девчонкой из общежития ****И что произойдёт, когда он узнает обо мне всю правду?*****

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро вечера мудренее	5
Глава 2. Роль классной швабры	8
Глава 3. Бутербродная война	11
Глава 4. Мальчик из сна	13
Глава 5. Холодный душ наяву	17
Глава 6. Точка кипения	20
Глава 7. Туалет	23
Глава 8. Вирус	26
Глава 9. Пентхаус	29
Глава 10. Белые простыни	32
Глава 11. Ложь на чистой простыне	35
Глава 12. Неделя без школы	38
Глава 13. Возвращение	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Маргарита Кирова

Из школьного туалета – в кровать миллиардера

Глава 1. Утро вечера мудренее

За десять минут до звонка будильника Маша уже сидела на краю дивана и проверяла школьную блузку. Ткань всё ещё была сырой. Если к первому уроку не высохнет, Ира заметит. А если Ира замечает хоть что-нибудь, день можно считать испорченным.

Тело будило её раньше звонка не из прилежания – из страха. Она лежала на узком диване, который когда-то был её детской кроватью, и смотрела в потолок с жёлтыми разводами. Сверху, этажом выше, опять подтекало. Из соседней комнаты тянуло перегаром: там, на продавленном диване, спала мать, свалившись прямо в одежду.

В комнате было холодно. Батареи в общежитии грели через раз, и октябрьское утро встречало Машу липкой сыростью, которая пробиралась под одеяло. Она села, кутаясь в старенький халат, и поставила босые ноги на пол. Линолеум был ледяным – Маша вздрогнула, но не вернулась в постель. Некогда.

Из крошечной кухни, которую они делили с двумя другими семьями на этаже, доносился кашель: тётя Клава из сорок пятой комнаты опять курила у форточки, хотя у неё был рак лёгких. Маша прошла мимо, поздоровалась шёпотом, налила воду в чайник. Чайник был старый, советский, с отбитой ручкой, и грелся вечно. Она стояла, смотрела в мутное окно и слушала, как где-то за стеной плачет ребёнок: у семьи из тридцать девятой комнаты был младенец, который орал каждую ночь.

– Могла бы спать, – пробормотала тётя Клава, выпуская дым в форточку. – Чего вскочила ни свет ни заря?

– Школа, – коротко ответила Маша.

– А-а, – кивнула женщина и больше не спрашивала.

Маша вернулась в комнату. Мать спала на диване лицом к стене, накрывшись старым пальто: одеяла вчера не хватило, а последние деньги она выпила и новое не купила. Маша на цыпочках прошла к тазу у батареи. Там, в холодной воде, отмокала её школьная форма – единственный приличный комплект на весь год: тёмно-синяя юбка, белая блузка, жилетка. Всё куплено два года назад в секонд-хенде, и юбка уже стала коротковата, но Маша подвернула подол внутрь и подшила так, что никто не замечал. Кроме тех, кто замечал всё.

Вода в тазу была мыльной и мутной. Маша выстирала форму вчера вечером, но не выжала как следует, и теперь ткань оставалась сырой. Она отжала блузку, приложила к щеке – холод пробрал до зубов. Ничего, подсохнет по дороге.

Она одевалась перед маленьким трюмо, которое два года назад вытащила с помойки. Зеркало было мутным, в пятнах, и, может быть, поэтому посмотреть в него было чуть легче. Чёткое отражение требовало ответа. А Маша не знала, что ответить своему отражению.

Из зеркала смотрела бледная девочка с огромными серыми глазами, слишком светлыми волосами и тонкими чертами, которые при другом свете могли бы показаться красивыми. Но Маша давно привыкла видеть не это. Она видела худобу, синеву под глазами, торчащие ключицы и словно слышала хором все школьные прозвища сразу. Швабра. Моль. Бомжиха. После такого трудно верить в красоту – даже если она вдруг смотрит тебе прямо в лицо.

Маше недавно исполнилось восемнадцать. В десятом классе она оказалась позже большинства: два учебных года потерялись из-за переездов и длительных пропусков, один из них

пришлось проходить заново, когда мать сорвалась особенно тяжело. Формально Маша уже была совершеннолетней. По ощущениям – всё ещё человеком, которому слишком редко позволяли решать за себя.

Она собрала волосы в низкий хвост: чем незаметнее, тем безопаснее. Краситься было нечем: почти пустой тюбик туши Лена отдала ей ещё весной, и тушь давно засохла. Но дело было даже не в ней. Машу пугало другое: стоит стать чуть заметнее – и кто-нибудь обязательно решит поставить её на место.

– Мать, я ушла, – сказала она громче обычного.

Мать не ответила – только перевернулась на другой бок и всхрапнула.

Маша взяла сумку – старый рюкзак с оторванной лямкой, которую она пришила синей ниткой. Проверила, на месте ли дневник, пенал, сэндвич – два куса хлеба с плавленым сыром, купленным по акции. На сырок ушли последние деньги, отложенные на обед. Хлеб уже начал черстветь, но это неважно. Главное – не голодать.

Выйдя из общежития, Маша глубоко вдохнула холодный утренний воздух. Район был серым: панельные пятиэтажки, гаражи, лужи. Ни деревьев, ни скамеек, ни нормального тротуара. До школы нужно было идти сорок минут. Автобус стоил тридцать рублей, а у Маши в кошельке лежало двадцать семь. На хлеб. Поэтому она шла пешком. Каждое утро. В любую погоду.

Она шла быстро, чтобы не замёрзнуть. Ветер дул в лицо, и сырая блузка липла к телу. Маша обхватила себя руками – так теплее. Мимо проезжали машины, кто-то сигналил, кто-то свистел. Она не оборачивалась. Научилась не оборачиваться.

На полпути, у поворота к старому парку, её догнала Лена.

– Машка! – запыхавшись, крикнула подруга. – Стой, я за тобой с другого конца улицы бегу!

Лена была полной противоположностью Маши – яркая, громкая, с рыжими волосами, которые красила хной из аптеки, и с цветастым платком, найденным в секонд-хенде. Форма у неё была такая же дешёвая, но Лена умудрялась носить её с вызовом: расстёгнутая жилетка, закатанные рукава, на шее бусы из пластика.

– Ты чего не в автобусе? – спросила Маша, ускоряя шаг, чтобы подруга не отставала.

– А ты чего? – парировала Лена. – Денег нет, как и у меня. Но я хотя бы не гордая: влезла вчера без билета, кондукторша не заметила.

– В следующий раз заметит.

– В следующий раз придумаю что-нибудь новенькое. – Лена заглянула Маше в лицо. – Ты чего такая кислая? Опять не выспалась?

– Мать вчера буянила.

– Понятно. – Лена замолчала на несколько шагов, потом толкнула Машу плечом. – Слушай, а твой Колян вчера после уроков в коридоре стоял с гитарой. Такой классный был – напевал что-то из «Короля и Шута». Я мимо проходила, он мне улыбнулся.

Маша почувствовала, как к щекам приливает кровь. Даже на холоде.

– Он не мой, – пробормотала она.

– Ой, да ладно! Ты на него так смотришь, что он уже должен был сгореть на месте. – Лена понизила голос. – Я придумала план.

– Какой ещё план? – Маша насторожилась.

– После уроков я тебя случайно толкну в его сторону. Ты извинишься, он улыбнётся, и вы разговоритесь.

– Это глупо.

– Это гениально! – Лена поправила платок. – Слушай, Маш, ну сколько можно? Ты в него уже два года влюблена, стихи в дневник пишешь, а он даже не знает, как тебя зовут.

– Знает, – тихо сказала Маша. – Он один раз спросил у учительницы, кто написал лучшее сочинение по «Войне и миру». И ему сказали, что это Маша из 10-Б.

– И всё? – Лена вытаращила глаза. – И ты на этом построила свою надежду?

– Я ничего не строю. – Маша закусила губу. – Просто... он хороший. Он никогда не смеялся надо мной. Даже когда Ира при всех назвала меня шваброй, он не засмеялся.

– Не засмеялся – это теперь стандарт мужского поведения? – фыркнула Лена. – Маш, ты себя вообще слышишь? Ты достойна большего, чем «не засмеялся».

– Чего я достойна? – горько усмехнулась Маша. – Общаги, пустого холодильника и того, что меня в школе называют бомжихой?

Лена не нашлась, что ответить. Они прошли ещё несколько метров молча. Потом Лена сжала Машину руку.

– Я тебя не брошу, – сказала она. – Что бы ни случилось.

– Знаю, – ответила Маша и почти поверила.

Глава 2. Роль классной швабры

Школа встретила Машу привычной смесью хлорки, жареных пирожков и дешёвого освежителя воздуха, которым безуспешно пытались перебить запах сырости. Здание считалось одним из лучших в районе, хотя краска на стенах слезала пластами, а в коридорах трескалась плитка. Здесь учились дети тех, у кого были деньги и связи. Поэтому школу держали на плаву. И поэтому в ней так хорошо умели замечать, кто лишний.

Кабинет 10-Б был на втором этаже, у пожарного выхода. Когда Маша вошла, разговоры на секунду споткнулись, будто класс просто проверил: она правда пришла? Потом всё вернулось на свои места. Никто не поздоровался. Никто не позвал. Маша скользнула к последней парте у окна – месту, которое давно принадлежало ей одной.

У класса было простое устройство мира, которое никто не объяснял вслух, потому что все и так его чувствовали.

Наверху стояла Ира Вознесенская: дочь городского судьи, идеально ухоженная, с укладкой, маникюром и той уверенностью, которая появляется у людей, привыкших получать своё без очереди. Вокруг неё держалась свита: Анфиса – длинная и презрительная; Кристина – круглолицая блондинка, поддакивающая каждой Ириной реплике; Рита – тихая, но злая, а потому самая опасная.

Ниже были «обычные» – те, кто не входил в свиту, но и не был изгоем. Их было большинство. Они не трогали Машу, но и не защищали. Просто делали вид, что её нет. Как нет трещины на стене, к которой все привыкли.

А ниже всех была Маша. Не соперница, не участница, не «одна из». Просто удобная фигура для коллективной тренировки в жестокости.

Она достала дневник. Старый, потрёпанный, с оторванным уголком. В него она записывала домашние задания, а на последних страницах – стихи. Про Колю. Про небо. Про то, как хочется улететь.

– Доброе утро, класс, – раздался голос классной руководительницы.

Светлана Борисовна вошла в класс с огромной сумкой и папкой бумаг. Ей было под пятьдесят, она носила очки в золотой оправе и вечно жалела себя: жизнь не сложилась, зарплата маленькая, ученики не слушаются. Она была трусливой, как заяц. И Маша это знала.

– Сначала история, потом русский, потом математика, – пробормотала Светлана Борисовна, раскладывая бумаги. – Да, кстати, Ира, твоя мама звонила. Сказала, что ты вчера ездила на олимпиаду. Молодец, гордость школы.

Ира улыбнулась – самодовольно, победно. Посмотрела на Машу мельком, как на пустое место. Маша опустила глаза.

На истории Светлана Борисовна рассказывала про Смутное время: вяло, скучно, по учебнику. Маша слушала, записывала, хотя знала уже всё наизусть. Историю она любила. Там было понятно, кто хороший, кто плохой, где добро, где зло. В жизни всё было сложнее.

Учительница русского была молодой: Татьяна Андреевна два года назад окончила пед, носила модные очки и пыталась быть «своей» для учеников. Получалось так себе. Её уважали, но не любили. Маша любила её уроки, потому что Татьяна Андреевна иногда зачитывала лучшие сочинения вслух. И эти сочинения чаще всего были Машиными.

– Итак, «Преступление и наказание», – начала Татьяна Андреевна. – Домашним заданием было написать, почему Раскольников не выдержал своей теории. Тетради я проверю. Но перед этим, – она улыбнулась, – хочу зачитать отрывок из одной работы. Автор, к моему удивлению, очень глубоко понял образ Раскольникова.

Маша замерла. Сердце забилося где-то в горле.

Татьяна Андреевна начала читать. С первых строк Маша узнала свои слова – про то, как одиночество разъедает душу, как человеку нужно не наказание, а прощение. Она писала это ночью, когда мать спала пьяным сном, а в соседней комнате плакал чужой ребёнок.

– ...И поэтому Раскольников не выдерживает не из-за страха, а из-за того, что любит Соню, а любовь не терпит лжи, – закончила Татьяна Андреевна.

В классе повисла тишина. Потом Ира громко шепнула Анфисе:

– Списала из интернета, конечно.

Анфиса захихикала. Кто-то поддакнул. Шёпот пополз по рядам: «да ладно, откуда у неё такие мысли», «наверняка готовое сочинение скачала». Маша сжала ручку так, что побелели костяшки. Татьяна Андреевна попыталась сказать, что работа оригинальная и что она её проверила, но Ира перебила:

– Ой, Татьяна Андреевна, ну вы же знаете, как сейчас в интернете всё пишут. Неужели вы думаете, что Маша Тихонова, у которой трояк по истории, могла такое написать?

– У неё не трояк, – мягко возразила учительница.

– Ну, скоро будет, – улыбнулась Ира.

Класс засмеялся. Маша опустила голову и уставилась в тетрадь. Слёзы подступили к глазам, но она заставила себя не плакать. Не здесь. Не при них.

Татьяна Андреевна свернула обсуждение и закончила урок раньше времени – не выдержала напряжения. Когда прозвенел звонок, Маша вылетела из класса первой. Ей нужно было в туалет. Не по-настоящему, а чтобы побыть одной.

Она зашла в кабинку, закрыла дверь на щеколду, прислонилась к стене. Стена была холодной, кафельной, с нацарапанными ругательствами. Кто-то написал маркером: «Смерть уродкам». Маша не знала, про неё это или нет.

– Ты как? – раздался голос Лены. Подруга, видимо, пошла за ней.

– Нормально, – ответила Маша, вытирая глаза рукавом.

– Врёшь. – Лена прислонилась к двери кабинки с другой стороны. – Маш, не обращай на них внимания. У Иры денег много, а мозгов нет. А у тебя есть голова на плечах. И ты пишешь так, что училка зачитывается.

– Кому это нужно?

– Мне нужно, – твёрдо сказала Лена. – И себе ты нужна. Ты поняла? Себе.

Маша молчала. Потом щёлкнула замком и вышла. Посмотрела на себя в грязное зеркало над раковиной: красные глаза, растрёпанный хвост, бледные губы. Уродка.

– Пойдём, – сказала она. – Сейчас математика. А Ольга Васильевна не любит, когда опаздывают.

Ольга Васильевна была математичкой, старой девой с вечно недовольным лицом. Она преподавала в этой школе двадцать лет и за это время возненавидела всех учеников, особенно бедных. Потому что бедные, по её мнению, не должны были учиться в приличной школе. Им место в ПТУ.

– Тихонова, к доске! – рявкнула она, едва Маша переступила порог.

Маша замерла. Она не была готова: вчера вечером стирала форму и не успела повторить формулы.

– Я...

– Что «я»? – Ольга Васильевна поправила очки. – Или выучила, или нет. К доске.

Маша вышла к доске, взяла мел. Руки дрожали.

– Реши уравнение, – учительница написала на доске пример. – Или тебе мама калькулятор не купила? Или за тебя всё уже проплатили?

Класс захихикал. Ира зевнула демонстративно. Маша попыталась решить, но цифры расплывались перед глазами. Она забыла всё, что знала. Ум опустел, как пересохший колодец.

– Ну что, Тихонова, – голос Ольги Васильевны был сладким, как яд. – Опять двойка? Родители будут недовольны. Ах да, у тебя же папа в тюрьме, а мама... где она? В общежитии дрыхнет?

– У меня нет папы, – тихо сказала Маша.

– Тем более. Садись, два. – Учительница повернулась к классу. – Вот так, дети, учатся те, у кого нет домашней поддержки. Учитесь на её примере – что будет, если не стараться.

Маша села за парту. Она не плакала. Она смотрела в окно, за которым серое небо сливалось с серыми домами, и думала: «Почему я? За что?»

Ответа не было.

Большая перемена. Маша достала свой бутерброд – два куска хлеба с плавленым сырком. Хлеб зачерствел ещё сильнее, но есть хотелось. Она пошла в столовую, взяла стакан бесплатного чая: тем, кто приносил еду с собой, чай давали бесплатно. Села за дальний столик у окна.

И тут к ней подошла Рита.

– Ой, – сказала Рита громко, делая вид, что споткнулась. – Извини, я не заметила эту грязную тряпку на полу.

Её нога задела бутерброд, и тот упал на пол. На грязный пол, который мыли раз в день и на котором всё равно оставались разводы и крошки.

Маша молча наклонилась, подняла бутерброд, отряхнула его. Свита Иры, стоявшая у раздачи, заржала. Кто-то крикнул: «Фу, ест с пола!» Кто-то: «Бомжиха!»

Маша откусила. Хлеб пах мылом, но она жевала, не поднимая глаз. Потом запила чаем, встала, выбросила пустой стакан в мусорку и вышла из столовой.

В коридоре она столкнулась с Колей. Он шёл с гитарой за спиной, улыбался своему другу Пашке. Они обсуждали что-то весёлое. Коля увидел Машу, на секунду его взгляд задержался на её лице – и он улыбнулся. Просто так, по привычке.

Маша замерла. В груди стало тесно, будто она вдохнула слишком резко.

– Привет, – сказал Коля.

– Привет, – выдохнула она.

Он прошёл мимо. Даже не обернулся. А Маша стояла и смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

«Он со мной поздоровался, – думала она. – Сам. Первый раз за два года».

Это была маленькая победа. И Маша ухватила за неё, как утопающий хватается за соломинку. Потому что больше у неё ничего не было.

В конце перемены она зашла в туалет – тот самый, на первом этаже, с облезлыми кабинками и вечно забитой раковиной. Там было пусто. Маша закрылась в кабинке, достала из сумки оставшийся кусок хлеба и доела. Быстро, торопливо, чтобы никто не увидел.

Она не знала, что скоро в этой же кабинке её заставят лизать ободок унитаза.

Она не знала ничего.

И, может быть, это было к лучшему.

Глава 3. Бутербродная война

После большой перемены Маша почти физически чувствовала, как бутерброд с пола лежит тяжёлым комом в желудке. Ей казалось, что стыд застрял где-то в горле, и она слышала его так же отчётливо, как чужой смех – звонкий, безжалостный, разлетающийся по столовой, как стая ворон.

Она сидела на биологии и не слушала. Смотрела в окно, где серое небо уже начало темнеть, хотя было только два часа дня. Осень сжимала город холодными пальцами, высасывая последнее тепло из земли, из стен, из людей. Маша думала о том, что у неё нет зонта, а по прогнозу дождь. И о том, что кроссовки протекают. И о том, что дома нет ни хлеба, ни молока, а мать, скорее всего, проспит до вечера, а потом опять уйдёт искать приключения.

– Тихонова, что я сейчас сказала? – голос биологички, молодой женщины с вечно уставшими глазами, прозвучал так резко, что Маша вздрогнула.

Маша повернулась к доске. Там были нарисованы какие-то схемы, но она не смотрела.

– Про... строение клетки? – наугад сказала она.

– Садись, два. Хотя бы слушай, если учить не хочешь. – Биологичка поставила оценку в журнал и продолжила лекцию.

Маша не стала оправдываться. Бесполезно. Она уже поняла, что учителя видят в ней только ту, кем её сделали одноклассники: неудачницу, изгоя, швабру. Даже если она знала ответ, даже если писала лучшие сочинения, это не имело значения. Потому что Маша была не из тех семей, которые делают пожертвования на ремонт класса. Не из тех, чьи родители сидят в попечительском совете. Она была из тех, кого терпят, потому что обязаны, но никогда не защитят.

После биологии была физкультура. Маша ненавидела её больше всего на свете – не потому, что была слабой или неуклюжей, а потому, что физрук Сергей Иванович, мужик с пышными усами и животом, выпиравшим из-под тренировочного костюма, любил делать замечания при всех. Особенно Маше.

– Тихонова, ты опять в трениках до пяток? – гаркнул он, едва она переступила порог спортзала. – Чего стесняешься? Жира там нет, одни кости! Давай, переодевайся как все.

Маша стояла в длинных чёрных трениках, которые достала из секонд-хенда три года назад. Они были ей велики на два размера, но она подворачивала пояс и подтягивала резинку. В них она чувствовала себя защищённой: никто не видел её худых ног, острых коленей, бледной кожи.

Она пошла в раздевалку. Девочки уже были там: смеялись, болтали, поправляли волосы перед зеркалом. Ира, Анфиса, Кристина, Рита. Обычные девочки. Маша старалась переодеться быстро, отвернувшись к стене, но Ира заметила её.

– О, наша модель пришла, – протянула она. – В новых тряпках?

– У неё вечно всё новое, – подхватила Анфиса. – С помойки.

Маша молча натянула футболку, которая тоже была велика, и вышла из раздевалки, не поднимая глаз.

На физкультуре они бежали кросс. Девчонки трусили рядом, болтая, а Маша старалась держаться в конце, чтобы никто не видел, как она задыхается. Постоянное недоедание давало о себе знать: сил было мало, и после первого круга у неё начало колоть в боку.

– Тихонова, быстрее! – крикнул Сергей Иванович. – Как черепаха ползёшь!

Она прибавила ходу, но ноги стали ватными. В какой-то момент Кристина, бежавшая рядом, вдруг вытянула ногу – случайно или нет, Маша не поняла. Маша споткнулась, упала на колени и ободрала ладони об асфальтовую дорожку.

– Ай, извини, я не заметила! – Кристина всплеснула руками, но в её глазах была усмешка.

Маша поднялась. Колени горели, ладони саднили. Сергей Иванович даже не подошёл.
– Вставай, вставай, не раскисай. Бегом! – скомандовал он.

Она побежала. С кровоточащими ладонями, с разбитыми коленями, с чувством, что весь мир против неё.

* * *

После физкультуры Маша пошла в туалет. Не в тот, на первом этаже, а в другой – на втором, рядом с кабинетом химии. Там было чище, и старшеклассники заходили туда реже.

Она закрылась в кабинке, достала из рюкзака влажные салфетки – единственную роскошь, которую себе позволяла. Салфетки были куплены на копейки, сэкономленные с обеда. Маша обработала ссадины. Колени болели, но терпимо. Ладони – хуже, потому что ей ещё писать.

Она сидела на крышке унитаза, прижав колени к груди, и смотрела на грязную дверь. Через щель она видела край раковины и грязное зеркало.

– Ты слышала, что Ира сказала? – раздался голос за дверью. Маша замерла.

– Про эту, Тихонову? Ага, «бомжиха» – это ещё мягко сказано, – ответил второй голос. Это были Анфиса и Кристина.

– Я слышала, она в общаге живёт. С мамашей-алкоголичкой.

– У неё отец в тюрьме, ей-богу. Или вообще неизвестно где.

– Представь, если бы наша Вознесенская пришла в таком тряпье? Папа бы её выгнал из дома.

– Ира говорит, что она даже не моется. Поэтому от неё так воняет.

Маша втянула носом воздух. От неё пахло дешёвым мылом и сыростью – формой, которую она стирала каждую ночь и которая не успевала высохнуть. Может быть, от неё действительно пахло. Но не так, как они говорили. Не вонью.

– Ей лишь бы в кабинке жрать, – продолжала Анфиса. – Я видела, как она на перемене бутерброд с пола подняла и съела.

– Фу, мерзость. Она реально таракан.

Они засмеялись. Маша зажала рот рукой, чтобы не всхлипнуть. Сидела, не дыша, пока их голоса не стихли и шаги не удалились.

Потом она вышла. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная, грязная, с красными глазами. У неё не было сил даже плакать. Только пустота.

Она подошла к раковине, открыла кран. Вода была ледяной. Она набрала воду в ладони, умыла лицо. Стало легче физически. Морально – нет.

В кармане завибрировал старый телефон с треснутым экраном, купленный за пятьсот рублей у одноклассника, который обновил свой. Сообщение от Лены: «Ты где? Урок скоро».

«В туалете», – написала Маша.

«Опять? Выходи, у меня идея».

Маша сунула телефон в карман, поправила волосы и вышла.

Глава 4. Мальчик из сна

Идея Лены, как всегда, была гениальной в своей простоте и заранее обречённой на провал.

– Ты должна с ним заговорить, – сказала Лена, когда они встретились в коридоре перед последним уроком. – Сама. Без меня.

– Я не могу, – прошептала Маша, чувствуя, как к горлу подступает паника. – Я даже слов не найду.

– Найдёшь. Скажи что-нибудь про гитару. Или про погоду. Или спроси, как его собаку зовут.

– У него нет собаки.

– Откуда ты знаешь?

– Он говорил Пашке, что хочет завести, но мама не разрешает. Я слышала.

Лена посмотрела на неё с уважением и ужасом одновременно.

– Маш, ты ведёшь дневник наблюдений?

– Нет, – солгала Маша, потому что дневник был. Толстая тетрадь в клетку, куда она записывала всё: что Коля сказал, куда посмотрел, что надел. Это было её тайным сокровищем, единственным, что согревало в холодные ночи.

– Ладно, – Лена вздохнула. – Тогда сделаем так. После уроков ты идёшь к выходу. Я «случайно» толкаю его в твою сторону. Ты извиняешься. Он улыбается. Ты говоришь: «Коля, а можно тебя спросить?» И спрашиваешь что-нибудь. Хоть что-нибудь.

– А если он скажет «нет»?

– Он не скажет. Он нормальный парень.

Маша не была уверена ни в чём, кроме одного: рядом с Колей у неё на несколько минут затихал внутренний шум. Этого хватило, чтобы за два года в ней выросла тихая, почти бессловесная любовь.

Он не был ни принцем, ни школьной звездой. Родители работали на заводе, семья жила в хрущёвке, скейт у него был с трещиной, а гитара – в потёртом чехле. Но Коля умел быть лёгким. Улыбаться. Играть. Смеяться так, будто жизнь всё-таки можно вынести.

Ира тоже положила на него глаз – это Маша поняла ещё в прошлом году, когда Ира начала подходить к нему на переменах, трогать его за плечо, смеяться над его шутками. Но Коля, кажется, не обращал на неё внимания. Или делал вид. Маша не знала.

Он не спасал Машу и не вставал на её сторону. Просто не добивал. Для девочки, привыкшей жить в режиме мелких унижений, и это уже казалось редкой добротой.

* * *

Последним уроком была литература. Татьяна Андреевна объявила, что они будут читать «Тихий Дон», и задала на дом первую главу. Маша любила читать: это был единственный способ сбежать из реальности, где её ненавидели, в другую – где герои страдали красиво, а не грязно.

Когда прозвенел звонок, Маша собрала вещи медленно, специально задержалась, чтобы Лена успела всё организовать. Сердце колотилось как бешеное. Она вышла в коридор: там было многолюдно, все спешили домой.

Коля стоял у выхода, болтал с Пашкой. На плече – гитара в чехле, в руке – скейт. Он был в своей обычной худи, выцветшей, но чистой. Русые волосы, чуть длинноватые, падали на глаза. Маша замерла в трёх метрах, не решаясь подойти.

Лена сделала своё дело: «случайно» задела Колю плечом. Он обернулся, и его взгляд остановился на Маше.

– Ой, извини! – Лена всплеснула руками. – Маша, ты здесь? Коля, ты её знаешь? Мы как раз шли...

– Привет, – сказал Коля, улыбнувшись Маше.

У него были карие глаза цвета кофе с молоком. Маша мечтала утонуть в них.

– П-привет, – выдавила она.

Повисла неловкая пауза. Лена сделала шаг назад, давая им пространство. Пашка тоже отошёл, уткнувшись в телефон.

– Ты... ты сегодня играешь? – спросила Маша, ненавидя себя за глупость.

– Вечером, во дворе, – кивнул Коля. – А ты откуда знаешь?

– Я... мимо проходила однажды. Ты классно играешь.

– Спасибо. – Он улыбнулся шире. – Слушай, ты же из 10-Б, да? Мне Татьяна Андреевна как-то называла твою фамилию, а я забыл.

– Тихонова, – подсказала Маша и почувствовала, как внутри что-то трепещет. Он всё-таки помнил, откуда она.

– Точно, Тихонова. Так ты та самая Маша, которая сочинения лучше всех пишет? – Коля присвистнул. – Татьяна Андреевна сегодня твоё читала. Про Раскольников. Круто.

– Правда? – Маша не поверила своим ушам. Он не просто помнил её имя – он помнил текст. И ему понравилось.

– Правда. Я сам такие мысли не умею в слова складывать. – Он поправил лямку гитары. – Слушай, а может, ты как-нибудь... ну, если хочешь... придёшь послушать? Я во дворе дома играю, на скамейке. Вечером, часов в шесть.

Маша открыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Лена за её спиной замерла, ожидая ответа.

– Я... да, – наконец выдохнула Маша. – Да, я приду.

– Отлично. – Коля кивнул, улыбнулся ещё раз и вышел на улицу. Пашка пошёл за ним.

Маша стояла, сжимая в руках рюкзак, и не могла двинуться с места.

– Ты гений, – прошептала она Лене.

– Я знаю, – усмехнулась подруга. – Но это ещё не всё. Ты должна сегодня прийти. И не в этом вот... – она показала на мешковатую форму. – У тебя есть что-то другое?

– Платье. Бордовое. Из секонд-хенда.

– Наденешь. И волосы распустишь.

– Но...

– Никаких «но». Это твой шанс, Маша. Не упусти его.

* * *

Дома Маша застала мать на диване полусидя. Та смотрела телевизор, щурясь на яркий свет, и курила сигарету за сигаретой.

– Ты чего так рано? – спросила мать, не поворачивая головы.

– Уроки кончились, – ответила Маша, проходя в свою комнату.

– Пожрать есть чего?

– Нет. Денег не было.

– Ну и иди в магазин, возьми хлеба.

– У меня денег нет.

Мать закашлялась, бросила окурочку в пустую банку из-под тушёнки. Потом достала из кармана халата смятую купюру.

– На. Сдачу принесёшь.

Маша взяла деньги. Пятьдесят рублей. Этого хватило бы на хлеб и пачку дешёвого печенья. Она молча ушла, купила всё, что просили, и вернулась.

– Я вечером уйду, – сказала она, ставя пакет на стол.

– Куда? – мать насторожилась.

– Погулять.

– С кем?

– С Леной.

Мать усмехнулась, но ничего не сказала. Ей было всё равно.

* * *

Маша открыла шкаф – старый, с оторванной дверцей – и достала бордовое платье из плотного трикотажа. Год назад оно показалось ей почти нарядным, но надеть его она так и не решилась: слишком облегающее, слишком взрослое, слишком заметное для девочки, которая привыкла исчезать.

Но сегодня она решилась.

Она распустила волосы, надела платье и замерла у зеркала. Отражение стало чужим: как будто кто-то взял её лицо и убрал с него привычную усталость. Маша не увидела красавицу. Увидела только себя – слишком открытую, слишком беззащитную, такую, над которой будет особенно больно смеяться.

В шесть вечера она вышла из дома. Шла к Колиному двору, чувствуя, как ветер холодит ноги: она надела свои единственные туфли – чёрные лодочки на маленьком каблуке, когда-то найденные на помойке. Они жали, но это было неважно.

Во двор она пришла вовремя. Коля сидел на скамейке, перебирал струны. Рядом с ним – Пашка и ещё двое парней. Маша замерла у арки, не решаясь подойти.

– Маша! – Коля заметил её и помахал рукой. – Иди сюда!

Она подошла, чувствуя, как горят щёки. Села на край скамейки.

– Красивое платье, – сказал Коля, и Маша не знала, было ли это комплиментом или просто вежливостью.

Он играл. Аккорды лились в холодный вечерний воздух, разбивались о стены домов и возвращались эхом. Маша слушала, смотрела на его пальцы, на то, как он улыбается, когда берёт нужный аккорд. И думала, что этот момент она запомнит навсегда.

Потом Пашка начал травить анекдоты, парни засмеялись. Маша смеялась тоже, хотя не всегда понимала шутки. Просто ей было хорошо. Впервые за долгое время.

Когда стемнело, Коля сказал:

– Проводить тебя? Темно уже.

– Не надо, я сама, – ответила Маша, хотя внутри хотела крикнуть: «Да, да, проводи!»

Она встала, попрощалась, пошла к выходу из двора. И тут столкнулась с Ирой.

Ира стояла под фонарём, с телефоном в руке, и смотрела на Машу с таким выражением, будто перед ней выполз таракан.

– О, смотрите, кто к нам пришёл, – протянула она. – Швабра в платье. Коля, ты знаешь, что это за птица?

– Ира, отстань, – устало сказал Коля.

– Я просто спросила. – Ира пожала плечами. – Ты же знаешь, какая она? Вся школа знает.

Маша опустила голову и быстро пошла прочь. Не оборачивалась. Но слышала, как Ира смеётся ей вслед.

Всю дорогу домой она плакала. Ветер сушил слёзы раньше, чем они успевали упасть.

Но она решила: это не конец. Она придёт снова. Потому что Коля сказал, что у неё красивое платье. Потому что он играл для неё. Потому что, может быть, когда-нибудь, совсем немного, он сможет её полюбить.

Этой надежды хватило, чтобы не сломаться.

В ту ночь Маша написала в дневнике новое стихотворение. Оно начиналось так:

«Ты играешь, а город молчит,

Фонари зажигаются поздно.

Я хочу, чтобы ты научил

Меня верить, что не всё серьёзно».

Она не знала, что это стихотворение станет последним, написанным до того, как её мир рухнет окончательно.

Глава 5. Холодный душ наяву

Та неделя после вечера во дворе стала для Маши самой светлой и самой тревожной за последние годы.

Светлой – потому что Коля теперь здоровался с ней в коридоре каждый день. Не просто кивал, как раньше, а останавливался на секунду, смотрел в глаза и говорил: «Привет, Маша». Один раз даже спросил, как дела. Она ответила, что нормально, хотя внутри всё пело. А он улыбнулся и пошёл дальше.

Тревожной – потому что Ира это заметила.

Ира не прощала чужой радости. Особенно если эта радость появлялась у тех, кого она уже назначила пылью под ногами.

Всё началось с мелочей.

Во вторник на уроке истории Светлана Борисовна вызвала Машу к доске рассказывать про первых Романовых. Маша выучила материал – она всегда учила, потому что это был единственный способ получить хоть какую-то оценку выше тройки. Она рассказывала уверенно, с датами, деталями и причинами первых реформ. Светлана Борисовна уже открыла рот, чтобы похвалить, но Ира опередила её.

– Ольга Васильевна, – Ира нарочно назвала Светлану Борисовну чужим именем, но та даже не поправила её, – а можно спросить? Откуда у Маши такие познания? В интернете читалась?

– Я из учебника, – тихо сказала Маша.

– Ага, из учебника, который ты в библиотеке берёшь? – усмехнулась Анфиса. – Там же пыль столетняя.

– Девочки, не отвлекайтесь, – Светлана Борисовна сделала слабую попытку навести порядок, но её голос утонул в хихиканье.

– А я слышала, – вставила Кристина, – что она дома вообще не учится. У них там вечно пьянка.

– Кто вам такое сказал? – Маша почувствовала, как земля уходит из-под ног.

– Все знают, – пожала плечами Ира. – Ты живёшь в общежитии, где алкаши и наркоманы. Неудивительно, что ты такая.

Светлана Борисовна вздохнула, посмотрела на часы и сказала:

– Маша, садись. Четыре. За то, что дала сорвать ответ.

– Я не перебивала, – прошептала Маша, но учительница уже не слушала.

Она села на место, сжала руки в кулаки под партой. Слезы жгли глаза, но она не позволила им упасть. Не здесь.

В среду на большой перемене Маша пошла в библиотеку – единственное место в школе, где её не трогали. Библиотекарша, пожилая женщина с добрыми глазами, называла её «милая» и давала книги сверх лимита. Маша брала классику – Достоевского, Толстого, Чехова. В этих книгах было понятно, кто прав, кто виноват, и всегда находился кто-то, кто протягивал руку падшему.

В этот раз она искала сборник стихотворений Ахматовой. Библиотекарша сказала, что книгу только что вернули, и Маша пошла к стеллажу в дальнем углу.

Когда она протянула руку к полке, кто-то сзади дернул её за волосы. Сильно, так что голова мотнулась назад.

– Ой, извини, – раздался голос Риты. – Я не заметила, что здесь кто-то есть.

Маша обернулась. Рита стояла с невинным лицом, но в её глазах горели злые огоньки.

– Ты специально, – сказала Маша.

– Что ты, что ты, – Рита покачала головой. – Я просто проходила. А ты тут... книжки читаешь. Ботаничка.

– Отстань, – Маша взяла Ахматову и пошла к выходу.

– Смотри, не споткнись, – крикнула Рита ей вслед. – А то упадёшь в лужу, как в прошлый раз.

Маша не обернулась.

В четверг случилось то, что она запомнила надолго.

У них была физра на улице – осень выдалась тёплой, и Сергей Иванович решил, что пора сдавать нормативы по бегу. Маша переоделась в свои длинные треники и вышла на стадион.

– Тихонова, ты опять в этих мешках? – рывкнул физрук. – Снимай, бегать в таком неудобно.

– Мне удобно, – ответила Маша.

– Я сказал – сними! Или иди в раздевалку и переодевайся в шорты, как все.

Маша посмотрела на девчонок. На Ире были модные легинсы, на Анфисе – короткие шорты. У всех были красивые, ухоженные ноги. У Маши – худые, бледные, с синяками, которые она не помнила, откуда взялись.

– Я не могу, – прошептала она.

– Можешь, – жёстко сказал Сергей Иванович. – Не выделяйся.

– У неё, наверное, ноги кривые, – громко сказала Кристина. Девчонки засмеялись.

Маша стояла посреди стадиона, чувствуя на себе десятки взглядов. Даже обычные ребята, которые обычно не замечали её, теперь смотрели с любопытством: что будет дальше?

Она медленно стянула треники. Ноги дрожали от холода и стыда. Кожа была бледной, почти синей; колени, разбитые после падения, саднили; на голених темнели старые синяки, и Маша не помнила, откуда они взялись.

– Ого, – присвистнул кто-то из парней.

– Фу, какие страшные, – громко сказала Анфиса.

– Бегом! – скомандовал Сергей Иванович, не дав Маше опомниться.

Она побежала. Ветер хлестал по голым ногам, сзади слышался смех. Она не оборачивалась. Бежала так быстро, как могла, лишь бы скорее закончить. На финише она упала – не удержала равновесия, и её вырвало прямо на траву. От перенапряжения, от голода, от стыда.

– Ну и видок, – сказал Сергей Иванович, глядя на неё с брезгливостью. – Иди в раздевалку, отмойся.

Она пошла. Одна. Никто не подошёл, не спросил, жива ли.

В пятницу случилось то, что переполнило чашу.

В соцсетях появился паблик. Назывался он просто – «Швабра 10-Б». На аватарке была фотография Маши, сделанная тайком во время урока: Маша спала на парте, уткнувшись лицом в сложенные руки, рот был приоткрыт, волосы растрёпаны. Кто-то пририсовал ей усы и корону из мусора.

В паблике постили фото и комментарии. «Как она ест бутерброд – замедленная съёмка». «Её кроссовки из девяностых». «Платье с помойки – новый тренд?». «У неё папа сидит, я слышал». «Она вообще моется?».

К вечеру пятницы у паблика было уже три тысячи подписчиков. Вся школа знала. Некоторые ставили лайки. Некоторые писали в комментариях «фу», «бомжиха», «пусть сдохнет».

Маша сидела в своей комнате, смотрела на экран телефона и не верила своим глазам. Потом перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и завывала – глухо, отчаянно, так, чтобы мать не услышала.

Она не знала, что делать. Жаловаться? Бесполезно. Классная сказала бы: «Удали телефон и не читай». Учителя видели, но молчали. В полицию? На смех поднимут.

Лена прислала сообщение: «Машка, я в шоке. Это Ира, я уверена. Давай завтра к директору пойдём?»

Маша ответила: «Не надо. Станет только хуже».

«Но так же нельзя!»

«Можно. Уже можно».

Она выключила телефон, положила его на тумбочку экраном вниз, чтобы не видеть уведомления. Потом встала, подошла к окну. За окном было темно. Фонари во дворе общаги горели через один, и двор казался чёрным провалом.

«Почему они меня так ненавидят? – думала Маша. – Что я им сделала? Я никому ничего не украла, никого не предавала, не лезла к ним в жизнь. Я просто хочу учиться. И иногда – поесть. Почему для них даже это слишком много?»

Она не находила ответа.

Глава 6. Точка кипения

В субботу утром Маша проснулась с твёрдым решением.

Она пригласит Колю погулять. Сама. Не через Лену, не случайно. Возьмёт и напишет.

Это решение пришло не из смелости – смелости у неё не было. Оно пришло из отчаяния. Потому что если она сейчас не сделает хоть что-то, что принадлежит только ей, она задохнётся. Аудитория паблика «Швабра» росла, подписчиков стало уже пять тысяч, и под новым фото, которое кто-то из свиты сделал в тот вечер во дворе, было написано: «Коля, ну ты даёшь! С кем ты гуляешь?»

Коля на комментарий не ответил. Маша не знала, видел ли он его. Но она боялась, что он мог поверить. Что он мог отвернуться.

Она взяла телефон. Пальцы дрожали. Она набрала сообщение:

«Привет, это Маша из 10-Б. Может, погуляем сегодня? В парке, в шесть?»

Перечитала раз десять. Слишком коротко? Слишком навязчиво? Или слишком робко? Она добавила смайлик – улыбающееся солнце. Потом удалила. Потом снова добавила. Потом нажала «отправить», зажмурившись, будто прыгала в прорубь.

Сердце колотилось так, что, казалось, выскочит из груди.

Ответ пришёл через час. Час, который Маша провела, сидя на подоконнике, кусая губы и перечитывая своё сообщение снова и снова, ища в нём ошибки.

«Да, без проблем. В шесть у парка?» – написал Коля.

Маша выронила телефон. Потом подхватила его, перечитала сообщение трижды, чтобы убедиться, что оно ей не мерещится. Потом прижала телефон к груди и зажмурилась.

Он согласился. Он согласился! Коля Баженов, её мечта, герой её стихов и снов, согласился пойти с ней гулять.

Она спрыгнула с подоконника и чуть не закричала от счастья. Но сдержалась – мать спала после вчерашней пьянки, и будить её было смертельно опасно. Вместо этого она подбежала к зеркалу, посмотрела на себя – растрёпанную, с красными глазами после бессонной ночи – и прошептала:

– Ты сможешь. Это твой шанс.

Весь день она готовилась.

Она вымыла голову дешёвым шампунем, который пах чем-то химическим, зато чистым. Высушила волосы полотенцем – фена не было. Они легли мягкой волной, и Маша расчесала их, представляя, как Коля коснётся их кончиков.

Она снова достала бордовое платье. Надела его, посмотрела в зеркало. Рёбра всё так же выпирали, но если не поворачиваться боком, было терпимо. Она нашла в ящике старый пояс – тонкий, чёрный, когда-то принадлежавший матери – и затянула его на талии. Так фигура казалась более женственной.

Туфли-лодочки – те самые, с помойки – она почистила влажной тряпкой. Они всё ещё жали, но других всё равно не было.

Косметики у неё не было. Она кусала губы, чтобы они стали краснее, и щипала щёки, чтобы появился румянец. Вместо духов – капля ванильного экстракта на запястья. От запястий пахло выпечкой.

В пять часов она уже была готова. Оставался час. Она ходила по комнате из угла в угол, переставляла книги на полке, поправляла скатерть на столе – лишь бы чем-то занять руки.

В пять тридцать она взяла розу. Цветок стоил последних денег, которые она откладывала на обед. Роза была красной, с ещё нераскрывшимся бутонem. Маша завернула её в газету, чтобы не помялась, и положила в пакет.

– Я ушла, – сказала она матери.

Мать лежала на диване с открытыми глазами, смотрела в потолок. Сегодня она была трезвой – по крайней мере, пока. Она повернула голову, окинула дочь мутным взглядом.

– Куда вырядилась?

– Гулять.

– С мальчиком?

– С подругой.

Мать усмехнулась. Она знала, что Маша врёт, но не стала допытываться. У неё были свои демоны.

– Не возвращайся поздно, – только и сказала она.

Парк был пуст.

Осенний ветер срывал последние листья с деревьев, и они кружились в воздухе, как уставшие бабочки. Фонари ещё не зажгли, и аллеи тонули в серых сумерках. Маша пришла за десять минут до шести. Села на скамейку у входа, положила пакет с розой рядом.

В шесть пришёл Коля. Один.

Он был в своей обычной худи, джинсах, кедах. Гитары с ним не было. Увидев Машу, он улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени.

– Привет, – сказал он, садясь рядом. – Ты рано.

– Волновалась, – призналась Маша и тут же пожалела о своей честности.

– Я тоже, – ответил Коля, и она не поняла, шутит он или говорит серьёзно.

Они посидели молча несколько секунд. Тишина была неловкой, но не тяжёлой. Маша слышала, как стучит её сердце.

– Это тебе, – сказала она и протянула ему розу.

Коля удивился. Взял цветок, повертел в руках.

– Спасибо. Красивая.

– Я хотела... – Маша запнулась. – Я хотела сказать, что мне нравится, как ты играешь. И что ты... добрый.

– Спасибо, – повторил он. – Ты тоже добрая. Я видел, как ты кормила котят возле школы.

И как помогла первоклашке, когда он упал.

Маша не знала, что он это видел. Её сердце забилося ещё быстрее.

– Пойдём, пройдемся? – предложил Коля, вставая.

Они пошли по аллее. Коля нёс розу в руке, и Маша чувствовала себя почти счастливой. Они говорили о школе, об учителях, о книгах. Коля признался, что не любит читать, но ему нравится, когда ему читают вслух. Маша сказала, что могла бы почитать ему свои стихи. Он улыбнулся.

– Стихи? Ты пишешь стихи?

– Немного.

– Прочитаешь как-нибудь?

– Может быть.

Они дошли до фонтана. Фонтан не работал, в чаше лежали сухие листья. Маша остановилась и посмотрела на Колю. Он стоял рядом, такой близкий, такой желанный.

– Коля, я... – начала она.

– Слушай, – перебил он. – Я телефон забыл в школе. Тут рядом. Зайдём на пару минут? Я быстро.

Маша не хотела идти в школу. В школе было темно, пусто, страшно. Но Коля смотрел на неё с надеждой, и она не могла отказать.

– Хорошо, – сказала она.

Они пошли к школе. Здание возвышалось тёмной громадой, окна были погашены. Коля открыл дверь – она оказалась незапертой, уборщица ещё работала на втором этаже.

– Быстро, – шепнул он и повёл её за собой.

Они прошли мимо раздевалки, мимо столовой. Коля свернул в коридор первого этажа – тот самый, где был туалет. Маша напряглась.

– Там же нет классов, – сказала она. – Там туалет.

– Мой друг ключи оставил, – ответил Коля, не оборачиваясь. – Он сейчас там.

Он открыл дверь.

Внутри горел свет. И там стояли они – Ира, Анфиса, Кристина, Рита и двое парней с телефонами в руках.

Маша замерла на пороге. На мгновение сердце будто остановилось, а потом забилось с такой силой, что заложило уши.

– Заходи, Тихонова, не стесняйся, – сказала Ира, улыбаясь. – Мы тебя ждали.

Маша повернулась к Коле. Он стоял, опустив глаза. Не смотрел на неё. Не защищал.

– Коля? – прошептала она.

– Извини, – тихо сказал он. – Она сказала, что если я не приведу тебя, они выложат мои старые фото. Дурацкие. Я не хотел.

Маша смотрела на него – на его виноватое лицо, на его дрожащие руки – и понимала, что её сказка кончилась. Не хеппи-эндом. Туалетом.

Ира подошла, выхватила розу из Колиных рук. Сломала стебель, бросила цветок на пол, наступила каблуком.

– Розы тебе не нужны, швабра, – сказала она. – Твоё место в сортире.

Дверь за спиной Маши захлопнулась.

И началось то, что она будет вспоминать всю жизнь.

Глава 7. Туалет

Дверь за спиной Маши захлопнулась с глухим, окончательным звуком. Щёлкнул замок – кто-то из парней повернул ключ. Теперь выхода не было.

Внутри туалета горел яркий, безжалостный свет. Лампы дневного освещения выхватывали каждую деталь – облезлую кафельную плитку на стенах, ржавые трубы под потолком, грязные раковины с подтёками. Три унитаза прятались в старых кабинках: у двух кабинок двери давно сорвали, а третья висела косо, на одной петле. Воняло хлоркой и чем-то кислым, застарелым.

Маша стояла у порога, прижавшись спиной к двери, и смотрела на них. На Иру – королеву в дорогом пальто и идеальной укладке. На Анфису, Кристину, Риту – её свиту, безликую и послушную. На двух парней – она знала их в лицо, но не помнила имён. Они были из параллельного класса, всегда ходили за Ирой, как привязанные. В руках у них были телефоны – уже направленные на Машу.

И на Колю. Коля стоял у раковины, опустив голову, спрятав руки в карманах худи. Он не смотрел на Машу. Он смотрел в пол, и его уши горели красным – от стыда? От страха? Маша не знала. И уже не хотела знать.

– Ну что, швабра, – Ира сделала шаг вперёд, – не ожидала?

Маша молчала. Говорить было нечем. Внутри всё сжалось в ледяной ком, который не давал дышать. Она смотрела на растоптанную розу на полу – красные лепестки смешались с грязной водой, натёкшей с мокрой обуви.

– Ты реально думала, что такой, как Коля, пойдёт гулять с такой, как ты? – Ира усмехнулась, повернулась к нему. – Покажи ей, как ты меня любишь.

Коля не шевелился.

– Коля, – голос Иры стал жёстче. – Я сказала – покажи.

Он поднял голову. Его глаза встретились с Машиными на секунду – в них было что-то похожее на извинение, но Маша уже не верила в извинения. Он подошёл к Ире, взял её за талию и поцеловал.

Долго. Открытым ртом. Прямо перед Машей.

Ира обвила его шею руками, прижалась всем телом, и они целовались так, будто были одни в комнате. Будто Маши не существовало. Языки, вздохи, лёгкий стон – всё это врезалось в мозг, как раскалённое железо.

Маша смотрела. Она не могла отвернуться. Её тело заledenело, но слёзы уже текли по щекам – горячие, солёные, бессильные. Она слышала, как парни перешёптываются, снимая видео. Слышала, как Анфиса хихикает. Слышала, как Рита говорит: «Смотри, как она плачет, клоунесса».

Когда Ира отстранилась от Коли, её губы блестели, а глаза победно сияли.

– Видела, швабра? – сказала она. – Он меня любит. А ты – никто.

Маша не ответила. Она стояла, прижавшись к двери, и пыталась стать маленькой, невидимой, раствориться в воздухе.

– А теперь, – Ира подошла ближе, – мы хотим кое-что тебе показать. Помнишь паблик «Швабра»? Это мы придумали. Все фото – наши. Все комментарии – тоже наши. Ты думала, тебя ненавидит вся школа? Это мы заставили их тебя ненавидеть.

Она щёлкнула пальцами. Анфиса достала из сумки Машин дневник – тот самый, старый, потрёпанный, который Маша забыла в классе.

– А это что? – Ира взяла дневник, пролистала. – О, стихи. «Ты играешь, а город молчит...» Коля, это про тебя, представляешь? Наша швабра сохнет по тебе.

Коля не поднял головы.

– Кристина, – Ира протянула дневник, – зачитай вслух. Всем будет весело.

Кристина взяла дневник, откашлялась и начала читать громко, с выражением, нараспев:

– «Я хочу, чтобы ты научил меня верить, что не всё серьёзно...» Ой, как трогательно!

«Твои пальцы на струнах, мои – на стекле...» Какая поэтесса!

Парни засмеялись. Анфиса захлопала в ладоши. Ира улыбалась, наслаждаясь моментом.

Маша закрыла глаза. Ей казалось, что она сейчас умрёт. Прямо здесь, на грязном кафельном полу, от разрыва сердца. Она слышала свой пульс в ушах – слишком громко, слишком быстро.

– Ладно, хватит, – сказала Ира, забирая дневник. – Это мы потом в паблик выложим. А сейчас – главное представление.

Она подошла к Маше, взяла её за подбородок и заставила поднять голову. Пальцы Иры были холодными и пахли дорогим кремом.

– Ты же из унитаза пьёшь, мы знаем. Вся школа знает, как ты жрёшь в кабинке. Давай, докажи.

– Что? – прошептала Маша.

– Лизни унитаз, – чётко сказала Ира. – Ободок. Языком. Мы снимем, выложим, и ты наконец займёшь своё место.

– Нет, – выдохнула Маша.

– Нет? – Ира сделала вид, что удивилась. – А ты думаешь, у тебя есть выбор?

Она кивнула парням. Они подошли, схватили Машу за руки, за плечи, потащили к ближайшему унитазу. Она попыталась вырваться, но они были сильнее. Гораздо сильнее.

– Пустите! – закричала она. – Не трогайте меня!

– Кричи громче, – посоветовала Ира. – Может, кто услышит. Но уборщица на втором этаже, а в школе больше никого. Так что кричи, нам веселее.

Машу поставили на колени. Кафель был ледяным, влажным, пах дешёвой химией. Она упёрлась руками в пол, пытаясь встать, но парни надавили на плечи, удерживая на месте.

– Лизни, – повторила Ира, стоя над ней.

– Не буду.

Ира ударила её с разворота. У Маши зазвенело в ушах, и она чуть не упала, но её удержали.

– Лизни, или мы сделаем тебе больно. По-настоящему больно.

Маша подняла глаза. Посмотрела на унитаз – старый, с трещиной на ободке, с желтоватыми разводами внутри. Он был чистым – уборщица мыла его сегодня, но это не имело значения. Для Маши он стал символом всего, что с ней сделали. Грязным, унижающим, окончательным.

– Не надо, – прошептала она, обращаясь к Коле. Он стоял в стороне, отвернувшись к стене. Её последняя надежда.

Коля не обернулся.

– Давай быстрее, – сказал один из парней. – У меня батарея садится.

– Ну, швабра, – Ира наклонилась к самому уху. – Мы ждём.

Маша закрыла глаза. Она представила маму – пьяную, равнодушную. Представила пустой холодильник. Представила паблик, где её называли бомжихой. Представила, как учителя отворачивались. Представила Колю, который целовал Иру у неё на глазах.

И поняла, что у неё больше нет сил бороться.

Она наклонилась вперёд и коснулась языком холодного, шершавого фарфора. Один раз. Коротко.

– Мало, – сказала Ира. – Не стараешься. По кругу.

Парни засмеялись. Анфиса включила фонарик на телефоне, чтобы было светлее.

Маша провела языком по ободку. Медленно. Ощущая каждую неровность, каждый шероховатый участок. Вкус был химическим, горьким, с примесью металла и застоявшейся воды. Её вывало – прямо на пол, жёлчью, потому что в желудке ничего не было.

– Ой, какая брезгливая, – умилилась Рита.

– Давай ещё, – велела Ира. – Чисто, чтобы блестело.

Маша лизнула снова. И снова. И снова. Она перестала считать. Перестала чувствовать. Она стала как механизм, который выполняет команды, потому что если не выполнять – будет больно.

Когда она закончила, её лицо было мокрым от слёз и слюны. Её тошнило, но в желудке уже ничего не осталось. Парни отпустили её, и она упала на пол, свернувшись калачиком.

– Всё сняли? – спросила Ира у парней.

– Всё, – ответил один, пряча телефон в карман.

– Супер. – Ира подошла к Маше, наклонилась, вытерла ей лицо тряпкой для пола – грязной, мокрой, с резким кислым запахом. – Теперь ты наша звезда. Завтра видео будет в тиктоке. Посмотрим, как ты после этого в школу сунешься.

Ира выпрямилась, поправила пальто.

– Пошли, – сказала она свите. – Надоело уже.

Они вышли. Коля уходил последним. Он остановился на пороге, обернулся. Маша смотрела на него снизу вверх – с пола, с грязного кафеля, с красной щекой и мокрым лицом.

– Прости, – тихо сказал он. – Я не хотел.

И вышел.

Дверь закрылась. Ключ щёлкнул снаружи – они заперли её, чтобы она не вышла раньше времени.

Маша осталась одна.

Глава 8. Вирус

Она не знала, сколько просидела на полу.

Может быть, час. Может быть, два. Время растянулось, как резина, потеряло форму. Она лежала на боку, поджав колени к груди, и смотрела на дверь. Иногда в щель пробивался свет – уборщица заканчивала работу и уже выключила лампы на втором этаже, но в коридоре горело дежурное освещение.

Тело не слушалось. Ноги затекли, руки онемели. На губах всё ещё был привкус хлорки и фарфора. Маша не пыталась встать. Зачем? Чтобы выйти и увидеть их лица? Чтобы завтра прийти в школу и услышать новый смех?

Лучше лежать здесь. Навсегда.

В какой-то момент она услышала шаги. Кто-то шёл по коридору, тяжело, уверенно. Шаги остановились у двери. Ключ повернулся. Дверь открылась.

На пороге стояла уборщица – тётя Зина, пожилая женщина в синем халате, с ведром и шваброй.

– Ох ты ж, мать честная, – выдохнула она, увидев Машу. – Девка, ты чего тут? Пол холодный, простудишься.

Она подошла, наклонилась, потрогала Машин лоб. Рука была шершавой, тёплой, пахла мылом.

– Живая? – спросила уборщица.

– Живая, – прошептала Маша.

– Что случилось-то? Кто тебя?

– Никто. Я сама. Упала.

– Врёшь, – тётя Зина покачала головой. – Не похоже на падение. Ну ладно, не хочешь говорить – не надо. Вставай, я тебя домой отведу.

Она помогла Маше подняться. Ноги дрожали, колени не гнулись. Маша опёрлась на плечо уборщицы – худой, но крепкой.

– Спасибо, – сказала она.

– Не за что, – ответила тётя Зина. – Ты главное – держись. Они все твари, а ты держись. Не дай им сломать тебя.

Маша не ответила. Они вышли из школы. На улице было темно, холодно, моросил дождь. Тётя Зина довела её до автобусной остановки, сунула в руку тридцать рублей на проезд.

– Сама дальше? – спросила она.

– Сама, – кивнула Маша.

– Ну, смотри. И не вздумай глупостей.

Она ушла; ведро покачивалось в её руке. А Маша осталась на остановке одна. Дождь мочил волосы, платье, туфли. Она смотрела на дорогу, но автобус не приходил.

Она не плакала. Слез больше не было.

Дома мать спала. Маша прошла в свою комнату, разделась, залезла под одеяло. Зубы стучали – то ли от холода, то ли от шока. Она лежала в темноте и смотрела в потолок.

Телефон лежал на тумбочке. Она знала, что должна его включить. Что там уже, наверное, всё кипит. Но не могла. Боялась увидеть.

В конце концов, она всё-таки взяла его. Нажала на кнопку. Экран засветился – сотни уведомлений. Тикток, телеграм, ватсап.

Она открыла тикток.

Видео было уже там. Тот самый фейковый аккаунт – «Швабра 10-Б» – выложил его час назад. Название: «Королева унитаза». Пятьдесят тысяч просмотров. Комментарии: «фуууу»,

«бомжиха позорная», «пусть сдохнет», «Коля, красавчик, что привёл её». Были и редкие «это жестоко», но их заминусовали.

Маша смотрела на себя на экране. На себя на коленях, с лицом у ободка унитаза. На себя – жалкую, разбитую, уничтоженную.

Она закрыла приложение. Положила телефон экраном вниз.

И впервые за долгое время не написала Лене. Не ответила на её сообщения – «Машка, ты где?», «Машка, что случилось?», «Машка, ответь!». Она просто выключила звук и отвернулась к стене.

Всю ночь она не спала. Думала о мосте.

О том мосте через реку, который она видела каждый день по дороге в школу. Он был старым, железобетонным, с высокими перилами. Внизу – тёмная вода. Маша часто смотрела на неё и думала: «А что, если?»

Сегодня она решила: «Да».

Утром она встала рано. Мать ещё спала. Маша оделась – в свои обычные треники, в ту же блузку, в старую худу. Не стала завтракать. Взяла телефон, вышла.

Она не пошла к школе. Она пошла на мост.

Было воскресенье. Было холодно, ветер дул в лицо, срывая с деревьев последние листья. Маша шла медленно, потому что торопиться было некуда. Школьный двор стоял пустой, ворота были закрыты, окна тёмные; она обошла квартал стороной и пошла к мосту.

Она не обернулась.

Мост был пуст в это время. Только редкие машины проезжали мимо, и водители не обращали на неё внимания. Маша подошла к перилам, посмотрела вниз. Вода была тёмной, холодной, быстрой. До воды было около восьми метров. В её состоянии этого казалось достаточно.

Она достала телефон. Написала одно сообщение Лене: «Прости, я не могу больше. Ты была лучшей подругой. Не вини себя».

Отправила.

Потом выключила телефон и сунула его в карман худы. Поплотнее запахнула кофту и встала на нижнюю перекладину ограждения.

Ветер трепал её светлые волосы. Она смотрела на воду и думала о маме. О том, что мама, наверное, даже не заметит её отсутствия. Или заметит, но через неделю, когда кончится бутылка. О школе, где её будут вспоминать с усмешкой. О Коле, который скажет: «Я не хотел».

Она закрыла глаза.

И прыгнула.

Вода обожгла холодом. Она ударилась о неё так больно, будто о бетон. Лёгкие сжались, в уши залилась вода. Маша не пыталась выплыть. Она открыла глаза под водой – вокруг было темно, мутно, страшно.

Она думала, что утонет быстро. Но тело боролось – само вытолкнуло её на поверхность. Она глотнула воздуха, снова ушла под воду. Её било течением, кружило, тащило куда-то.

Она уже теряла сознание, когда чьи-то сильные руки схватили её за плечи и потащили вверх.

* * *

Альберт бежал по набережной, когда услышал всплеск.

Он тренировался здесь каждое утро – бег вдоль реки был его ритуалом, единственным временем, когда он мог побыть один. Сын местного олигарха, наследник многомиллиардного состояния, он ненавидел свою расписанную жизнь: вечные встречи, интервью, обязательства. Бег был его свободой.

Услышав всплеск, он сначала подумал: кто-то бросил в воду камень или мусор. Но потом увидел девушку – лёгкую, почти невесомую; её било в воде, как тряпичную куклу.

Он не раздумывал. Скинул куртку, перепрыгнул через ограждение и бросился в воду.

Холод обжёг лицо. Он был сильным пловцом – в детстве занимался плаванием, отец заставлял. Альберт быстро добрался до девушки, обхватил её за талию, вытащил на поверхность. Она не дышала.

Он доплыл до берега, вытащил её на камни, повернул на бок – изо рта потекла вода. Потом уложил на спину и начал делать непрямой массаж сердца и искусственное дыхание. Раз, два, три. Не дышит. Ещё раз. Ещё.

Она закашлялась, выплюнула воду, задышала – хрипло, прерывисто. Альберт повернул её на бок и сразу достал телефон. Девушка была худой, лёгкой, как перо. Мокрая, дрожащая, с синими губами.

– Ты жива, – сказал он. – Жива.

Она открыла глаза – серые, огромные, полные отчаяния.

– Зачем? – прошептала она. – Зачем вы меня спасли?

– Потому что никто не должен умирать в твоём возрасте, – ответил он.

Она закрыла глаза и снова провалилась в мутную темноту.

Пока ехала скорая, Альберт укрыл её своей курткой и не выпускал из поля зрения. Он не знал, кто она, откуда, почему прыгнула. Но знал одно – сейчас её нельзя оставлять одну. Не сегодня.

Скорая увезла Машу в больницу, а Альберт поехал следом. В приёмном покое он дождался, пока врачи закончат первичный осмотр и скажут, что непосредственная угроза жизни миновала.

И впервые за долгое время почувствовал, что его жизнь имеет смысл.

Глава 9. Пентхаус

В пентхаусе Маша очнулась уже второй раз. Первый раз был в больнице: белый потолок, кислород под носом, боль в груди после воды и чужие голоса, которые спрашивали имя, дату рождения и понимает ли она, что произошло.

После переохлаждения и короткой реанимации её оставили под наблюдением до следующего дня. Телефон реку не пережил, мокрую одежду упаковали отдельно. Когда обследование не показало тяжёлых травм, перед выпиской с Машей отдельно поговорил дежурный психиатр. От дальнейшей госпитализации она отказалась, согласившись на амбулаторную помощь. В выписке указали повторный осмотр и настоятельную рекомендацию ближайшие дни не оставаться одной. Возвращаться в общежитие Маша не могла даже представить. Альберт предложил гостевую комнату – временно, без условий.

Теперь она лежала на мягкой белоснежной постели. Простыни были прохладными, пахли свежестью и чем-то неуловимо дорогим. В комнате было ровно тепло – не так, как в общежитии, где батареи грели через раз. Высокий потолок, тяжёлые шторы, картины в светлых рамах – всё выглядело слишком спокойным после больничного света.

Это был не её мир.

Маша попыталась сесть – голова закружилась, в груди заныло. Она вспомнила воду, холод, темноту. Вспомнила, как прыгнула. И как её кто-то вытащил.

– Не вставай резко, – раздался голос.

Она повернула голову. В кресле у окна сидел молодой мужчина – ей показалось, что ему лет двадцать пять, не больше. Широкие плечи, тёмные волосы, чуть небрежно зачёсанные назад. Лицо – красивое, но не кукольное: острые скулы, волевой подбородок, лёгкая щетина. Глаза – тёмно-карие, почти чёрные, внимательные. Он был в простой белой футболке, которая обтягивала рельефные мышцы, и серых тренировочных штанах. Босой.

Маша никогда не видела таких людей вживую. Только на картинках в интернете – модели, актёры, сыновья олигархов. Она почувствовала себя ещё более ничтожной.

– Где я? – спросила она. Голос был хриплым, чужим.

– Дома, – ответил он. – У меня.

– Кто вы?

– Альберт. – Он встал, подошёл к кровати, сел на край. – Альберт Князев. Ты, наверное, слышала фамилию.

Маша слышала. Фамилию Князевых знал весь город – их заводы, сети магазинов, благотворительные фонды. Альберт был младшим сыном, тем, кто не лез в политику, но регулярно попадал в светскую хронику. Она видела его фото в новостях – на открытии торгового центра, на презентации нового спорткомплекса. Он всегда выглядел отстранённым, почти скупающим.

– Зачем вы меня спасли? – спросила Маша.

– Потому что тонущего человека спасают, – просто ответил он. – А ты тонула.

– Я прыгнула сама.

– Знаю. – Он не выглядел удивлённым. – У тебя на лице была такая решимость, будто ты идёшь на экзамен. Я прыгал за тобой и думал: она не хочет, чтобы её спасали.

– И всё равно прыгнули.

– Прыгнул. – Он пожал плечами. – Я иногда делаю глупости.

Она хотела улыбнуться, но не смогла. Губы потрескались, в уголке рта запеклась кровь.

– Где моя одежда? – спросила она, вдруг осознав, что на ней надета чужая футболка – большая, мужская, до колен.

– Твоя одежда была мокрой и грязной. Я отдал её в химчистку. Вернут завтра. А пока – моя футболка. Извини, ничего подходящего не нашлось.

Маша опустила глаза. Ей было стыдно, что она в чужой одежде, что она лежит в чужой постели, что она вообще существует.

– Мне нужно идти, – сказала она, пытаясь снова приподняться.

– Куда? – Альберт мягко, но твёрдо остановил её жестом. – Домой? Ты только вчера была в больнице. Врач просил, чтобы ты хотя бы несколько дней не оставалась одна.

Маша замерла.

– Откуда вы... – начала она.

– Я ничего о тебе не выяснял, – перебил он. – В больнице ты назвала имя и возраст. Телефон утонул вместе с тобой. Всё остальное расскажешь сама, если захочешь.

Он замолчал, давая ей время осознать.

– Я понял только одно: ты прыгнула не случайно, – сказал он тихо. – Этого пока достаточно.

Маша отвернулась к стене. Слёзы снова подступили к глазам, но она заставила себя не плакать. Хватит. Она уже наплакалась на всю жизнь.

– Ты не обязана ничего мне рассказывать, – продолжал Альберт. – Ты можешь остаться здесь на несколько дней, привести себя в порядок, решить, что делать дальше. Я не буду задавать вопросов, если не захочешь отвечать.

– Почему вы это делаете? – спросила она, не поворачиваясь. – Я вам никто. Чужой человек, который прыгнул с моста. У вас, наверное, есть дела поважнее.

– Может быть, – согласился он. – Но иногда важные дела – это не совещания и не контракты. Иногда важное дело – просто не дать человеку умереть.

Он встал, поправил край одеяла, сползший с кровати.

– Отдыхай. Врач сказал, что тебе нужно много пить и спать. Если захочешь есть – нажми на кнопку у кровати. Придёт горничная.

– У вас есть горничная? – Маша не удержалась от горькой усмешки.

– У отца есть. Я просто здесь живу. – Он направился к двери, но на пороге остановился. – Ах да, как тебя зовут?

– Маша, – ответила она. – Маша Тихонова.

– Маша, – повторил он, пробуя имя на вкус. – Хорошее имя. Простое.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Маша осталась одна в огромной, светлой, чужой комнате.

Она лежала, смотрела на хрустальную люстру и думала о том, что, наверное, это и есть рай. Чистый, тихий, с шёлковыми простынями. Но она не заслужила рай. Она заслужила ад.

* * *

Понедельник и вторник прошли как в тумане.

Маша почти не выходила из комнаты. Горничная – молчаливая женщина лет сорока, которую звали Зоя – приносила еду, меняла бельё, убиралась. Маша ела мало – кусок тоста утром, ложку супа в обед, половину яблока вечером. Тело просило еды, но голова отказывалась. Ей казалось, что если она начнёт есть нормально, то привыкнет к этой роскоши, а привыкать нельзя. Это не её жизнь.

Альберт заходил два-три раза в день. Садился в кресло у окна, спрашивал, как самочувствие, не нужно ли чего. Маша отвечала односложно – «нормально», «спасибо», «ничего не нужно». Она врала ему про всё – про мать (сказала, что её нет в живых), про дом (сказала, что живёт одна в съёмной комнате), про то, почему прыгнула (сказала, что поссорилась с парнем). Назвала только настоящее имя.

Альберт слушал, не перебивал. В его глазах не было осуждения – только усталость и какая-то глубокая, давняя печаль. Он не верил ни одному её слову. Маша это чувствовала. Но он не давил.

Во вторник она впервые надолго встала с постели и подошла к окну. Комната была на последнем этаже, из окна открывался вид на город – серый, осенний, с высоты похожий на игрушечный. Маша смотрела на крыши, на шпили, на реку, которая блестела на солнце, – ту самую, в которую она прыгнула.

– Ты первая, кто смотрит на этот вид без восторга, – раздался голос за спиной.

Она обернулась. Альберт стоял в дверях с двумя чашками кофе.

– Я принёс тебе кофе. Не знаю, пьёшь ли ты его.

– Пью, – сказала Маша, хотя на самом деле никогда его не пила – денег не было.

Она взяла чашку. Кофе был горьким, с запахом корицы. Она сделала глоток, обожглась, но не подала вида.

– Ты врёшь, – мягко сказал Альберт, садясь в кресло. – Ты не пьёшь кофе. Ты даже не знаешь, как держать чашку.

– Откуда вы знаете?

– Потому что ты держишь чашку, как бомбу. Боишься уронить.

Маша опустила глаза. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

– Я не хочу вам врать, – тихо сказала она. – Но я не могу сказать правду. Если вы узнаете правду обо мне, вы меня выгоните.

– А кто ты на самом деле? – спросил он, глядя ей прямо в глаза.

Маша молчала.

– Хорошо, – он откинулся на спинку кресла. – Не говори. Я знаю только то, что ты пыталась умереть и сейчас боишься правды о себе больше, чем чужого дома. Этого достаточно, чтобы не выставлять тебя за дверь.

– Почему? – прошептала Маша. – Почему вы не брезгуете мной?

– Потому что брезговать надо теми, кто это сделал. А не тобой. – Он поставил чашку на столик. – Когда я был маленьким, надо мной тоже издевались. В школе. Из-за того, что я заикался. Меня били, обзывали, прятали мои вещи. Я не прыгал с моста, но хотел. Много раз хотел.

Маша подняла на него глаза. В его взгляде не было жалости – только понимание.

– Что изменилось? – спросила она.

– Ничего. – Он усмехнулся. – Я вырос, перестал заикаться, научился давать сдачи. Но внутри остался тем маленьким мальчиком, который прятался в туалете на переменах. Поэтому я прыгнул за тобой.

Они сидели молча, глядя друг на друга. Маша чувствовала, как между ними возникает что-то хрупкое, почти невесомое – не дружба, не симпатия, а что-то другое. Понимание. Общая тишина двух сломанных людей.

– Я должна вернуться в школу, – сказала Маша.

– Зачем? – удивился Альберт.

– Потому что если я не вернусь, они выиграют. А я не хочу, чтобы они выигрывали. Я хочу... – Она запнулась, подбирая слова. – Я хочу посмотреть им в глаза. И не отвернуться.

Альберт смотрел на неё долго, пристально. Потом кивнул.

– Вернётся, когда врач скажет, что можно, и когда сама сможешь хотя бы войти в ворота. Но завтрак никто не отменял. Идём.

Он протянул руку. Маша взяла её – впервые в жизни она прикоснулась к мужской руке, которая не принадлежала ни однокласснику, ни врачу. Тёплая, уверенная, сильная.

Она пошла за ним в огромную кухню, где пахло свежей выпечкой и апельсинами.

Глава 10. Белые простыни

В среду и четверг Маша почти не выходила из комнаты, где её поселил Альберт.

Ей казалось, что белизна вокруг – это ловушка. Белые стены, белые простыни, белая дверь в ванную, белая чашка на прикроватной тумбочке, белый халат, который Зоя, молчаливая домработница, оставила ей на стуле. Всё было таким чистым, что Маше становилось страшно сделать лишнее движение. Она двигалась осторожно, как человек, который случайно зашёл в музей и боится задеть что-нибудь рукавом.

На тумбочке лежал временный телефон – простой недорогой аппарат, который Альберт купил вместо утонувшего. Номер удалось восстановить на новой сим-карте. Маша не сразу решилась войти в мессенджеры. Долго смотрела на чёрный экран и думала, что по ту сторону – школа, паблик, комментарии, хохот, Ленины сообщения, пропущенные звонки от матери, если мать вообще заметила, что её нет. Когда она всё-таки вошла в аккаунты, уведомления посыпались так густо, будто кто-то открыл над ней люк с мелкими камнями.

Лена: «Ты где?»

Лена: «ЖИВАЯ?»

Лена: «Мне Ира ничего не говорит. Маш, ответь».

Лена: «Пожалуйста».

Незнакомые номера. Стикеры в классном чате. Скриншоты из тиктока. Новые издёвки. Кто-то прислал ссылку на видео ещё раз, будто Маша могла забыть, как выглядит собственное унижение.

Она выключила звук и снова положила телефон экраном вниз. С этим предметом невозможно было жить, но без него было ещё страшнее.

Вечером пришёл Альберт. Он не стал входить без стука – сначала тихо постучал, потом приоткрыл дверь и спросил:

– Можно?

Маша сидела на кровати, подтянув колени к груди. На ней была его футболка – та самая, в которой она очнулась, слишком длинная, будто чужая жизнь свисала с её плеч складками. Она кивнула.

Альберт вошёл с подносом. На нём была тарелка с тостами, маленькая миска с овсянкой и кружка чая с лимоном.

– Ты почти ничего не ела днём, – сказал он. – Это не допрос. Просто констатация.

Маша опустила глаза.

– Я не хочу.

– Я знаю. Но тело не спрашивает, хочешь ты или нет. После холодной воды, после шока, после всего... ему нужна еда.

Он поставил поднос на столик, сел в кресло напротив, не нависая, не давя. От этого Маша и сбивалась с толку сильнее всего. Все взрослые, которых она знала, или орали, или жалели так, что становилось стыдно. Альберт не делал ни того, ни другого. Он просто был рядом. Как будто так и должно быть.

– Вы всем так помогаете? – спросила она, глядя в чашку.

– Нет.

– Тогда почему мне?

Он помолчал. В тишине за окном шуршали шины машин по мокрому асфальту.

– Потому что я успел, – сказал он наконец. – Потому что ты оказалась на моём пути. Потому что если бы я прошёл мимо, я бы потом с этим не жил.

– А если я обманщица? – тихо спросила Маша. – Если я плохая?

– Тогда ты была бы плохой живой, а не мёртвой, – ответил он.

Она не поняла, шутит он или нет. Вроде бы лицо у него не изменилось, но уголок рта дрогнул. Маша впервые за много дней почувствовала что-то похожее на тёплое движение внутри – не смех, не радость, а удивление. Ей никто не отвечал так.

Она взяла ложку и съела три ложки овсянки. Только чтобы он ушёл. Но он не ушёл сразу. Подождал, пока она допьёт чай, потом поднялся.

– Завтра придет врач. Нормальный. Не психиатр, если ты об этом сейчас подумала. Просто проверить, не началось ли воспаление лёгких и как у тебя с давлением. Не пугайся.

– Я не боюсь врачей, – солгала она.

– Боишься, – спокойно сказал он. – Но я буду рядом.

Он уже дошёл до двери, когда Маша спросила:

– Вы знаете... почему я прыгнула?

Он обернулся. Тёмные глаза на секунду задержались на её лице.

– Только то, что успел понять на мосту.

– Видео не видели?

– Нет. И без твоего разрешения искать его не стану.

У неё к горлу подступил сухой ком.

– И вам не противно, что я вообще это сделала?

– Мне страшно за тебя, – сказал он. – Это не то же самое, что брезговать тобой.

Он ушёл, а Маша ещё долго сидела неподвижно, прижав ладони к кружке, в которой давно остыл чай.

Ночью ей снился туалет. Не тот школьный, облезлый, а какой-то бесконечный, тянувшийся коридорами во все стороны. В каждой кабинке стояли Ира и её подружки, и везде был Коля, и везде он целовал Иру, а Маша никак не могла закрыть глаза. Проснулась она от собственного крика – резкого, хриплого.

Дверь распахнулась почти сразу.

– Маша? – Альберт вбежал босиком, в серой футболке и тёмных спортивных штанах. Волосы были растрёпаны, будто он тоже спал. – Что случилось?

Она сидела на кровати, задыхаясь, с мокрым лицом и липкими ладонями. Ноги дрожали так сильно, что одеяло ходило ходуном.

– Сон, – выдавила она. – Просто сон.

Альберт не приблизился сразу. Встал в двух шагах, как будто ждал разрешения.

– Можно сесть?

Она кивнула.

Он сел на край кровати, но не коснулся её. Только спросил:

– Воды?

Маша покачала головой, потом сама не заметила, как наклонилась и уткнулась лбом ему в плечо. Тело сделало это раньше, чем разум успел запретить. Она замерла, ожидая, что он отодвинется, скажет: «Извини, так нельзя». Но Альберт только осторожно положил ладонь ей между лопаток и медленно, по-детски погладил.

– Всё, – тихо сказал он. – Это просто ночь. Она кончится.

Она плакала молча, без всхлипов, будто вода вытекала из неё сама по себе. А он сидел неподвижно, чтобы не спугнуть, и Маша подумала, что никто никогда не был рядом с ней так бережно. Даже Лена, которая любила её всем своим шумным сердцем, всегда спасала громко – словами, матом, идеями. А здесь было тихо. И эта тишина держала.

В четверг утром приехал врач – женщина лет пятидесяти, в светлом пальто и с тяжёлой сумкой. Она пахла дорогим мылом и чем-то аптечным.

– Переохлаждение, истощение, ушиб грудной клетки, – резюмировала она после осмотра.

– Физически вам повезло. Спать, есть, не мёрзнуть, повторный контроль через несколько дней.

И ещё: после попытки суицида нужен кризисный специалист. Это не наказание и не диагноз, а часть помощи.

Маша вспыхнула, но врач уже писала что-то в блокноте.

– Я не сумасшедшая, – тихо сказала Маша, когда врач ушла.

– Она и не сказала, что сумасшедшая, – ответил Альберт. – Давай хотя бы не будем путать помощь с приговором.

В тот день Зоя принесла в комнату пакет с одеждой: тёплые спортивные штаны, длинную домашнюю кофту, носки. Новые. Не из секонд-хенда, не чужие, не заштопанные.

Маша смотрела на них с тревогой.

– Я не смогу за это заплатить, – сказала она.

– Не надо платить.

– Но я не просила.

– А я не спрашивал, – сказал Альберт. – Это не сделка. Ты простудишься в одной футболке.

– Я не люблю, когда на меня тратятся.

– Привыкай, – ответил он слишком быстро и тут же смягчил тон. – Хотя бы на время. Потом будешь ругаться.

Она ничего не сказала, но вечером всё же надела мягкие серые штаны и кофту. Ткань была такой приятной, что от этого хотелось плакать ещё сильнее.

Глава 11. Ложь на чистой простыне

К пятнице Маша поняла, что в роскоши тоже можно задыхаться.

Не от изобилия – от собственной чужеродности в этой жизни.

Она не умела пользоваться кофемашиной на кухне. Не знала, как держать тяжёлый нож для стейка. Сначала даже боялась закрывать за собой стеклянную дверь в душевой кабине – казалось, если слишком сильно потянуть, всё разлетится вдребезги, и тогда станет видно, что она из другого мира, где двери держатся на честном слове и скотче.

Однажды утром Зоя оставила ей завтрак на кухонном острове: омлет, два кусочка красной рыбы, тосты, апельсиновый сок. Маша села на высокий стул и вдруг поняла, что не знает, как к этому подступиться. Красную рыбу она пробовала пару раз в жизни – на Новый год у соседей, когда их пожалели и позвали за стол. Она смотрела на тонкие ломтики и чувствовала себя самозванкой.

– Если не любишь, я уберу, – сказал Альберт, входя на кухню. Он был в рубашке и тёмных брюках, волосы влажные после душа. Вид у него был не сонный, а уже дневной, собранный.

– Я не говорила, что не люблю.

– Ты так смотришь, будто это инопланетянин на тарелке.

Маша опустила глаза.

– Просто я такое не ем.

– Тогда ешь то, что сможешь. Зоя может сделать тебе хоть гречку с котлетой, хоть манную кашу.

– Манную не люблю.

– Уже хорошо. Значит, есть точки опоры.

Он налил себе кофе, прислонился бедром к столешнице и вдруг спросил:

– Тебя ищут дома?

Маша сжала вилку.

– Нет.

Это была ложь. Не то чтобы большая – она и правда не была уверена, ищет ли её мать. Но с утра телефон показывал три пропущенных с неизвестного номера и два – с маминого. Она не перезванивала. Представляла, как услышит хриплый голос: «Ты где шляешься?» И всё. Не тревога, не любовь, не слёзы – только раздражение. От этого звонить было страшнее, чем не звонить.

– Ты можешь не отвечать, – сказал Альберт, видя, как она напряглась. – Я не собираю досье.

– У меня мама... – она замялась. – Нестабильная.

Он кивнул, будто понял больше, чем она сказала.

– А папа?

– Нет.

Это слово далось легче всего. Оно не требовало пояснений.

Днём Маша наконец включила тикток. Сама не знала зачем. Может, чтобы проверить, существует ли всё это по-прежнему, или чтобы наказать себя. Видео всё ещё было. Пятьсот тысяч просмотров. Комментариев столько, что экран приходилось долго листать. «Вот это чучело». «Кто знает школу?» «Такая сама просилась». «Бедная, но смешная». «Почему мне жалко и мерзко одновременно?»

Кто-то сделал нарезку момента, где она наклоняется к унитазу, и наложил музыку. Кто-то сделал мем с её лицом. У паблика появились подражатели. Унижение, как плесень, расплодилось за пределы исходного видео и зажило собственной жизнью.

Она не заметила, как в дверном проёме появился Альберт.

– Опять смотришь? – спросил он.

Маша вздрогнула и быстро выключила экран.

– Случайно.

– Нет.

Он подошёл ближе, протянул руку.

– Дай.

– Зачем?

– Дай телефон.

– Нет.

– Маша.

Его голос не стал жёстким, но в нём появилась линия, которую нельзя было перешагнуть. Она нехотя вложила телефон в его ладонь.

Альберт долго смотрел на экран. Маша не видела, что именно он делает. Потом он выключил телефон и положил его на стол.

– На пару часов побудешь без него.

– Это не поможет.

– Поможет хотя бы тем, что ты не будешь добровольно жевать стекло.

– Но все же смотрят.

– Все пусть и смотрят, – сказал он. – А ты нет.

Ей хотелось огрызнуться, что это её жизнь и её позор, но сил не было. Вместо этого она сказала:

– Вы не понимаете.

Альберт сел напротив.

– Объясни.

Она засмеялась – коротко, зло, без веселья.

– Смешно. Все говорят: объясни. Учителя говорят: не реагируй. Подруга говорит: давай я им глаза выпарапаю. Вы говорите: не смотри. А у меня это уже внутри. Понимаете? Не в телефоне. Не в тиктоке. Во мне. Как будто мне кожу содрали и все теперь видят мясо.

Он долго молчал.

– Понимаю частично, – сказал он наконец. – Полностью не могу. Но частично – да.

– Вас тоже заставляли лизать унитаза?

– Нет, – спокойно ответил он. – Меня били в раздевалке за то, что я заикался. Носом в кафель не тыкали, но тоже было неприятно.

Она подняла на него глаза. Он не улыбался. Говорил без театра.

– И что, прошло? – спросила Маша.

– Не совсем. Просто стало тише.

Он поднялся, вернул ей телефон.

– Когда захочешь есть – спускайся. И... если снова полезешь посмотреть это, позови меня. Будем смотреть вместе и ругаться.

В тот же день Альберт положил рядом с её телефоном визитку кризисного психолога, которого рекомендовала врач.

– Я не заставляю, – сказал он. – Но номер будет здесь.

Маша сначала хотела выбросить бумажку. Вечером всё-таки согласилась на короткий видеозвонок. Почти весь разговор молчала, зато вместе со специалистом записала простой план на случай, если снова потянет к мосту: не уходить молча, держать телефон при себе, звонить Лене, Альберту или на кризисную линию. На ближайшие недели они договорились о коротких созвонах. Маше всё это казалось формальным и чужим, но номер она сохранила.

В субботу она вышла из комнаты сама. Не потому что поправилась, а потому что сидеть взаперти стало ещё тяжелее. Пентхаус оказался огромным, но не кричащим. В нём было много

воздуха, дерева, серых и тёплых песочных оттенков; книжные полки уходили до потолка, у окон висели тяжёлые шторы, у стены стоял кожаный диван, а у окна – чёрный рояль. Рояль в таком доме удивил её больше всего.

Она остановилась возле него.

– Умеете играть? – спросила она у Альберта, который работал за ноутбуком в гостиной.

– Три мелодии и одну позорную версию «К Элизе», – ответил он.

– Зачем тогда рояль?

– Мама любила музыку. После неё остался.

Впервые он сказал о семье не общими словами. И впервые Маша поняла, что в этом большом, тёплом, чистом доме тоже есть мёртвые зоны, куда лучше не лезть.

Вечером они ужинали вдвоём. Зоя ушла, кухня стала тише, за окнами горел город. Маша ела суп и всё время ловила себя на том, что следит за движениями Альберта. Он держал ложку уверенно, говорил мало, но когда говорил, слушать было легко. Слишком легко. Это пугало сильнее, чем если бы он был просто красивым. Красивых она видела в интернете. А вот таких, рядом с которыми не надо притворяться, – никогда.

– Почему вы не спрашиваете про школу? – спросила она.

– Потому что если захочешь, расскажешь сама.

– А если не захочу?

– Тогда не расскажешь.

– Но вам же интересно.

– Конечно интересно. – Он пожал плечами. – Мне интересно, почему у тебя на запястье синяк в форме пальцев. Почему ты вздрагиваешь от звука воды в трубах. Почему, когда в коридоре хлопает дверь, ты перестаёшь дышать. Мне всё это интересно. Но это не значит, что я имею право вытаскивать из тебя слова.

Маша смотрела в тарелку. Сердце билось слишком громко.

– А если я наврала вам всё? – снова спросила она.

– Тогда, видимо, у тебя были причины.

– И вы всё равно мне верите?

– Я верю тому, что вижу, – сказал он. – А вижу я человека, которому очень больно.

Ночью она впервые за долгое время уснула без кошмара. Просто провалилась в тёмную, ровную усталость.

Глава 12. Неделя без школы

К воскресенью Маша начала бояться возвращения сильнее, чем смерти.

Смерть хотя бы была короткой. А возвращение обещало быть длинным, липким, с тысячей взглядов, телефонных камер и кривых улыбок. Она думала об этом с утра до ночи и всё чаще ходила по комнате кругами, словно от этого могла истереть в полу дыру и провалиться в другой мир.

В воскресенье Альберт принёс ей рюкзак. Новый. Чёрный, простой, без крупных логотипов, но явно дорогой.

– Зачем? – спросила Маша.

– Потому что твой старый держался на одной нитке. И потому что ты всё равно рано или поздно вернёшься в школу.

– Я могу не возвращаться.

– Можешь. Но тогда за тебя это решат они.

Она села на кровать, взяла рюкзак на колени, провела пальцами по плотной ткани. У неё никогда не было новой вещи, которую никто не носил до неё. Даже запах у рюкзака был другой – не сырой подвал и не чужой шкаф, а магазин, бумага, пластик, что-то ровное, аккуратное.

– Все будут думать, что я... – начала она.

– Что ты что? – спросил Альберт.

– Что я содержанка. Что вы мне всё купили. Что я... – она сглотнула, – продаюсь.

Он медленно выдохнул, будто сдержал резкое слово.

– Пусть думают. Или не бери. Но, Маша, если ты начнёшь мерить каждый свой шаг чужой мерзостью, они победят ещё до того, как ты войдёшь в класс.

Она молчала. Потом кивнула.

В тот же вечер она впервые за эти дни заговорила с матерью. Позвонила сама. Мать взяла не сразу, а когда взяла, голос у неё был хриплый и злой.

– Ты где?

– У подруги.

– Нагулялась?

– Мам...

– Денег нет, если что.

– Я не за деньгами.

На том конце повисла тишина. Потом мать спросила уже тише:

– Ты живая?

И от этого простого слова у Маши защипало в глазах. Потому что в нём было всё: и опоздавшая тревога, и бессилие, и то, что их жизнь давно сломана так, что даже забота звучит как обвинение.

– Живая, – ответила она. – Я скоро приду за вещами.

– Делай что хочешь.

Мать сбросила. Маша сидела на кровати с телефоном в руке и понимала, что вернуться домой сейчас не сможет. Не после белых простыней, не после тёплой воды, не после чужой тихой заботы. Ей было стыдно за это так же сильно, как за всё остальное.

Вечером Альберт постучал в её дверь, держа две кружки какао.

– Я ненавижу это слово, – сказала Маша, принимая кружку.

– Какое?

– «Скоро». Этим словом все пугают. Скоро вернёшься. Скоро станет легче. Скоро забудется. А вдруг нет?

– Может, и не забудется, – сказал Альберт. – Я бы на забывание не ставил.

– Тогда на что?

– На то, что ты научишься жить рядом с этим так, что оно перестанет командовать.

Они сидели на подоконнике в гостиной. За стеклом дрожал мокрый город, красные огни машин тянулись нитями.

– Вам легко говорить, – сказала Маша. – У вас же всё было.

– У меня? – он усмехнулся. – У меня был очень богатый отец, очень красивая мама, очень дорогая школа и очень много людей, которые при виде меня сначала видели фамилию, а уже потом человека. Не всё, Маша. Просто другой набор проблем.

– Но вас хотя бы никто не снимал в туалете.

– Это да, – признал он. – Тут спорить не буду.

Она посмотрела на него и вдруг заметила, как он устал. Не по виду: внешне Альберт всегда держался прямо, чисто, собранно. Усталость сидела у него в паузах, в том, как он иногда замирал у окна, словно прислушиваясь к чему-то далёкому.

– А вы один живёте? – спросила она.

– Да.

– Совсем?

– Зоя приходит днём. Водитель иногда. Отец – по праздникам, когда надо показать, что у нас семья. В остальное время – да, совсем.

Маша неожиданно для себя сказала:

– Тогда вы тоже врёте всем. Что вам нормально.

Он повернул голову. Несколько секунд они смотрели друг на друга так прямо, что Маше захотелось отвернуться. Но она не отвернулась.

– Видишь, – тихо сказал он. – Уже не одна ты.

В понедельник Маша всё же пошла в школу. Утром её мутило так сильно, что она дважды бегала в ванную и стояла над раковиной, пока её не отпустило. Она выбрала самую простую одежду из новых вещей: тёмные джинсы, серую водолазку, чёрное пальто. Не вызывающе, не богато, просто чисто и по размеру. Волосы собрала в хвост. На запястье – резинка, чтобы было чем дёргать себя за руку, если накроет паника.

У двери она застыла.

– Я не смогу, – прошептала она.

Альберт, уже в пальто, с ключами в руке, не начал убеждать. Только спросил:

– Тебе нужна минута или правда не сможешь?

– Не знаю.

– Тогда сделаем так. Я довезу тебя до ворот. Если скажешь „нет“ – разворачиваемся и едем обратно. Без героизма.

Она кивнула.

В машине было тепло. Маша сидела, вцепившись пальцами в новый рюкзак, и считала светофоры. На третьем светофоре увидела знакомый перекрёсток, на пятом – аптеку возле школы, на шестом – серое здание с облупленной штукатуркой. Сердце подступило к горлу.

– Назад, – прошептала она.

Альберт уже включил поворотник, когда Маша сама себя остановила.

– Нет. Подождите. Нет... Я пойду.

Машина встала у ворот. Альберт заглушил мотор.

– Я буду здесь после уроков, – сказал он. – Даже если ты передумаешь посреди первого урока.

– А если они увидят вас?

– Они и так увидят.

Она открыла дверь и вышла. Холод ударил в лицо. Школьный двор был полон детей. Маша прошла несколько шагов и сразу почувствовала, как пространство вокруг меняется. Шёпот. Повороты голов. Телефоны в ладонях.

Она не обернулась.

Но когда дошла до крыльца, всё-таки оглянулась. Альберт стоял у машины, засунув руки в карманы пальто, и смотрел только на неё. Не на школу, не на людей, не на чужие взгляды – на неё.

Маша впервые за долгое время вошла в школу, не опуская головы.

Глава 13. Возвращение

В коридоре пахло так же, как всегда: хлоркой, булочками из столовой и влажной одеждой.

От этого запаха Маше стало дурно сильнее, чем от утренней тошноты. Он будто вернул её в ту часть себя, где всё ещё работало по старой схеме: последний ряд, не смотреть никому в глаза, не задерживаться в туалете, не поднимать руку, не надеяться. Тело помнило страх даже тогда, когда голова велела идти прямо.

На первом этаже кто-то засмеялся слишком громко. Маша дёрнулась.

У доски объявлений стояла компания из восьмого класса – девчонки с блестящими ногтями и телефоном на вытянутой руке. Увидев Машу, одна шепнула что-то другой. Они обе быстро отвели глаза, но телефон не убрали. Маша почти физически почувствовала, как камера касается её лица.

В раздевалке она нашла свой старый крючок. Чужая куртка рядом. Ничего не изменилось и изменилось всё. Она повесила пальто, долго возилась с рукавами, просто чтобы оттянуть момент, когда надо будет идти вверх.

На лестнице её догнала Лена.

– Машка!

В этом крике было столько облегчения, что у Маши свело горло. Лена налетела на неё, обняла с такой силой, будто хотела проверить, настоящая ли она.

– Ты живая, господи, ты реально живая, – шептала Лена ей в плечо. – Я чуть с ума не сошла. Я уже думала звонить в морг, в полицию, хоть куда.

– Я живая, – сказала Маша. – Тише.

Лена отстранилась. Под глазами у неё лежали серые тени.

– Где ты была?

– Потом.

– Это тот, на тачке? – Лена быстро выглянула в окно лестничного пролёта. – Я его только со спины увидела. Это правда Князев?

– Потом, – повторила Маша. – Пожалуйста.

Лена сжала губы и кивнула. Она умела не лезть, когда понимала, что человек сейчас рассыплется от одного лишнего слова.

Перед тем как идти в класс, Лена достала из рюкзака старый школьный дневник.

– Татьяна Андреевна нашла его за батареей в понедельник после... того вечера. Я забрала и хранила, – сказала она.

Маша провела пальцем по помятой обложке. Несколько страниц были загнуты; она не стала спрашивать, успели ли их сфотографировать. Ответ и так был понятен. По дороге наверх Маша уже отдала медсестре выписку из больницы, поэтому хотя бы недельное отсутствие объяснять не пришлось.

В класс Маша вошла вместе с ней. И это было единственное, что спасло – если бы пришлось переступать порог одной, ноги могли бы подогнуться.

Шум стих не весь, а как будто волной: сначала ближние парты, потом середина, потом дальние. Десятки глаз. Ира ещё не пришла. Коля сидел у окна, смотрел на телефон, но когда Маша появилась, опустил взгляд на парту. Так быстро, будто её появление ослепило его.

Маша прошла на своё место. Последний ряд, как всегда. На столе лежал чей-то стикер. Она перевернула его, не думая, и увидела коряво написанное: «Туалет свободен?»

Рука у Маши сама сжалась в кулак. Лена молча взяла стикер, разорвала на четыре части и засунула в карман.

– Дыши, – шепнула она.

Первым уроком была литература. Татьяна Андреевна, увидев Машу, замялась на секунду, а потом кивнула слишком бодро:

– Тихонова вернулась. Хорошо. Садись.

Ни «как ты», ни «где была». Маше даже стало легче от этой осторожной трусости. Она не выдержала бы сочувствия вслух.

На второй перемене пришла Ира.

Она вошла поздно, как всегда, в светлом пальто, с укладкой, с уверенностью, которую не могла испортить даже память о том самом туалете. Увидела Машу. Остановилась. Губы растянулись в медленной улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.